

## Ещё раз о роли митрополита Филадельфийского Мелетия Типальда в пропаганде католичества среди русских в Италии в конце XVII в.

*Алексей Ястребов*

**Once again about the role of Metropolitan Meletius Tipald of Philadelphia  
in the promotion of Catholicism among Russians in Italy  
in the late 17<sup>th</sup> century**

*Alexey Yastrebov*

*(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*

DOI: 10.31857/S0869568722050041, EDN: KKHVE

Попытки обращения русских в католичество в конце XVII в., отчасти успешные, хорошо известны и описаны в работах А.В. Флоровского, Е.В. Шмурло и других историков. Однако исследователи упускают из вида фигуру, которая, по моему мнению, была важной для дела католической проповеди среди русских в Венеции. Ведь именно столица морской республики стала местом пребывания и пунктом сбора русских католиков, которые по разным причинам посетили её и имели общение с митрополитом Мелетием Типальдом — православным епископом Венеции и одновременно скрытым греко-католиком.

Действительно, срединное положение Венеции между Востоком и Западом делало её не просто перекрестием морских и сухопутных путей, но и местом встречи идей и религий. Здесь московские путешественники чувствовали себя значительно комфортнее, чем в папском Риме, очаровывавшем их своим величием, но вместе с тем бывшем для них во многом чуждым в культурном отношении. Соглашусь с Флоровским, что католицизм привлекал москвичей своей универсальностью, но как сочетать её с национальными особенностями русских, прочно укоренёнными в традиции?<sup>1</sup> Представляется, что именно венецианская атмосфера с её итало-греческой реальностью, сумевшей вобрать в себя различия менталитетов и вер, своеобразие разных культур и обычаев, позволила московским «навигаторам» и путешественникам вступить в диалог с западными христианами и оценить для себя возможность соединения двух Церквей в поле единой русской духовной традиции<sup>2</sup>.

Обращения конца XVII в., времени кризиса московского православия, были инспирированы не только влиянием извне. После Большого Московского собора 1666–1667 гг., ослабления роли патриаршества, споров западно-русской и греческой партий взгляды некоторых представителей столичного

---

© 2022 г. А.О. Ястребов

Благодарю М.В. Ковалёва, сотрудника Архива РАН, за любезно предоставленные архивные материалы.

<sup>1</sup> Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T—FLOR. Inv. č. 4. Uložení 22 (далее — SK). Л. 153.

<sup>2</sup> Флоровский А.В. Московские навигаторы в Венеции в 1697–1698 гг. и Римская церковь // Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Berlin, 1966. S. 194.

общества обращались на Запад, чему способствовал и вновь открывшийся канал связи, проторенный Великим посольством. И хотя спустя некоторое время большинство из новообращённых исчезли из поля зрения историков или никак не проявили своих былых латинских симпатий, определённая тенденция сохранялась<sup>3</sup>.

Флоровский выделяет четыре группы русских, в разной степени подвергшихся католическому влиянию на рубеже XVII–XVIII вв., из которых в данной публикации будут рассмотрены три: 1) выпускники западных католических школ, такие как Григорий Скибинский и Геден Одорский<sup>4</sup>; 2) москвичи, встретившиеся с Западом во время поездок за границу по указу Петра или ранее и высказавшие симпатии к папству, а также принявшие католичество: А.А. Курбатов, Б.П. Шереметев, братья В.М. и Г.Ф. Долгоруковы, С.И. и А.И. Милославские, П.А. Голицын, Б.И. Куракин (добавим сюда также первого русского доктора медицины П. Постникова)<sup>5</sup>; 3) те, кто обратился в латинство под влиянием иезуитов в Москве ранее отъезда стольников на обучение морскому делу в Европу: диакон Пётр Артемьев, иеродиакон Палладий (Роговский) и А.Ю. Ладыженский (скорее его следовало бы отнести к следующей группе)<sup>6</sup>. Четвёртая группа, по Флоровскому, включала в себя представителей

<sup>3</sup> Козлов-Струтинский С., Парфентьев П. История Католической Церкви в России. СПб., 2014. С. 221–310.

<sup>4</sup> Флоровский А.В. Из истории русских «встреч с западом» на переломе XVII и XVIII веков // The religious world of russian culture. Russia and Orthodoxy: volume II. Essays in Honor of Georges Florovsky. P., 1975. P. 225–226; Флоровский А.В. Г.А. Скибинский и его сочинения (Глава из истории католической агрессии в России и русского католичества в эпоху Петра Великого) // Slavica (Praha). 1953. R. XXIII. S. 2–3. S. 369–412; Никольский М. Григорий Скибинский. Очерк из истории духовного просвещения в конце XVII в. // Православное обозрение. 1862. № 11. С. 167–178; Голубев С.Т. Геден Одорский, бывший ректор Киевской духовной академии в начале XVIII в. // Труды Киевской духовной академии. 1900. № 10. С. 147–190; № 12. С. 567–628.

<sup>5</sup> Архив Российской академии наук (далее – АРАН), ф. 1609, оп. 1, д. 70, л. 33; Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904. С. 263–264, 366; Шмурло Е.Ф. Поездка Б.П. Шереметева в Рим и на остров Мальту // Сборник Русского научного института в Праге. Прага, 1929. С. 11–39; Шмурло Е.Ф. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Ч. 1. Юрьев, 1903. С. 359–362, 685–686; Флоровский А.В. Московские навигаторы... С. 197; Theiner A. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michailowitch, Féodor III et Pierre Le Grand czars de Russie: Extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859. P. 415; Pierling P. La Russie et le Saint-Siège. Vol. IV. P., 1907. P. 233, 226; Archivio storico di congregazione Propaganda fide. Acta Sanctae Congregationis. Vol. 80. 1710. f. 24 r.; Mazon A. L'abbé Gabriel Girard, grammairien et russionant // Revue des études slaves. T. 35. Fasc. 1–4 (1958). P. 17, 19; Гузевич Д., Гузевич И. Первое европейское путешествие царя Петра. Аналитическая библиография. СПб., 2008. С. 774.

<sup>6</sup> Надеждин Н.И. Палладий Роговский, первый русский доктор // Сын Отечества. Т. 4. СПб., 1840. С. 598–621; Никольский М. Русские выходцы из заграничных школ в XVII столетии // Православное обозрение. 1863. Кн. 10. С. 162–172, 246–270; Верюжский В.М., прот. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет её существования и вообще Русской церкви в конце XVII в.: церковно-исторический очерк. СПб., 1908. С. 518–523; Pierling P. Op. cit. P. 227; Шмурло Е.Ф. Русские католики конца XVII в. по данным архивов Пропаганды и Коллегии св. Афанасия // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1933; Флоровский А.В. Первый иезуит из московских дворян // Acta Academiae Velehradensis, XIX (Olomouc, 1948). P. 249–256; Панич Т.В. Евфимий Чудовский и Пётр Артемьев: спор двух культур // Сибирский филологический журнал. 2004. № 3–4. С. 4–9; Андреев А.Н. Русский иезуит А.Ю. Ладыженский: неисследованная страница в истории русского католицизма XVIII столетия // Отечественная история. 2008. № 3. С. 143–154; Ястребов А.О. Венецианский след в жизненном пути игумена Палладия Роговского // Вестник ПСТГУ. Сер. I. Богословие. № 4(54). М., 2014. С. 9–28; Панич Т.В. Документальные тексты в составе сборника рукописных материалов,

смоленской шляхты, после перехода города под власть Москвы в 1654 г. не пожелавших оставить латинства<sup>7</sup>. Можно выделить ещё одну группу — невозвращенцев: М.Ф. Волкова, А.П. Прозоровского и А.Ю. Ладыженского, ставших предтечами череды русских католиков, перебравшихся на Запад позднее<sup>8</sup>.

Многие из тех, кто принял католичество или был замечен в симпатиях к нему в Италии в 1697–1698 гг., были связаны с митрополитом Филадельфийским Мелетием Типальдом (на кафедре в 1685–1713 гг.), иерархом Константинопольского патриархата с резиденцией в Венеции. Он играл не последнюю роль в пропаганде латинства среди русских стольников и в координации действий уже обращённых, поэтому нас интересуют лишь вторая и третья группы, однако, как увидим далее, персонажи из остальных групп, выделенных Флоровским, были, в свою очередь, так или иначе связаны с русскими «венетианцами».

Материалы о митрополите Мелетии опубликованы в различных сборниках и монографиях, однако до сих пор нет отдельного посвящённого ему исследования<sup>9</sup>. Воспитанник греческого коллегиума Флангини, выпускник Падуанского университета, священник, а затем епископ — предстоятель православной общины Венеции, митрополит Мелетий вначале тайно, а потом всё более гласно симпатизировал католической церкви. На рубеже столетий он публично заявил о переходе в католичество, а в 1708–1709 гг. взял под контроль греческую церковь святого Георгия и её клириков.

В рассматриваемый период (1697–1698) Типальд только готовился объявить о своём переходе в унию, фактически состоявшемся намного раньше<sup>10</sup>. Эта игра греческого иерарха, стремившегося скрыть свои подлинные симпатии, долгое время позволяла ему оставаться вне подозрений. Даже формальное отлучение, наложенное Константинопольским патриархом, последовало лишь за год до его смерти, в 1712 г., когда уже состоялись его открытый переход в католичество и поддержанный властями захват храма Св. Георгия. Многие указывают на то, что некоторые русские, проживавшие или бывавшие в 1680–1690-х гг. в Венеции, понимали и даже разделяли подлинные убеждения греческого архиерея<sup>11</sup>.

---

связанных с делами Петра Артемьева и Григория Скибинского // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 12–20; *Рамазанова Д.Н.* Палладий Роговский // Большая Российская энциклопедия. Т. 25. М., 2016. С. 159.

<sup>7</sup> *Флоровский А.В.* Из истории русских «встреч с западом»... Р. 227; SK. Л. 107–147; *Андреев А.Н.* Дело «О переходах в католичество и незаконных браках смоленской шляхты» (1728–1729) // Культура и искусство в памятниках и исследованиях. Сборник научных трудов. Челябинск, 2007. С. 260–266.

<sup>8</sup> АРАН, ф. 1609, оп. 1, д. 70, л. 37 об.–38; SK. Л. 105–106; *Флоровский А.В.* Из истории русских «встреч с западом»... Р. 228–233; *Флоровский А.В.* Московские навигаторы... С. 199; *Козлов-Струтинский С., Парфентьева П.* История Католической Церкви... С. 288–310.

<sup>9</sup> О М. Типальде см.: *Βελοῦδης Ι.* Ἐλλήνων ορθοδόξων αλωχία ἐν Βενετία. Βενετία, 1893. Σ. 80–89; *Τσιτσέλης Η.* Κεφαλληνιακά Σύμμικτα. Τ. 1. Αθήνα, 1904. Σ. 756–769; *Legrand E.* Bibliographie hellénique du dix-septième siècle. Т. 5. Р., 1903. Р. 28–433; *Καραθανάσης Α.* Φλαγγίνειος Σχολή της Βενετίας. Θεσσαλονίκη, 1975. Σ. 96–100.

<sup>10</sup> *Ястребов А.О.* Ходатайство Петра I за православных Венеции как часть российской внешней политики // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2016. № 1(68). С. 123–140.

<sup>11</sup> *Ястребов А.О.* Ходатайство Петра I... С. 137–138; *Ястребов А.О.* Новые сведения о деятельности митрополита Мелетия Типальда на рубеже XVII–XVIII веков // «Восстанет цесарь в опустевшей земле»: люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н.С. Бо-

Первым из москвичей, кто познакомился с митрополитом Мелетием и ошибочно принял его как своего, был ученик московской школы братьев Лихудов Пётр Артемьев, находившийся в 1688 г. вместе со своим учителем Иоанникием в Венеции и принявший там католичество<sup>12</sup>. Не соглашусь с высказанным в историографии мнением, что Артемьев прожил в Венеции до конца срока пребывания там Иоанникия, т.е. до 1691 г.<sup>13</sup> Он прибыл в Венецию весной 1688 г. и уехал, возможно, с сыновьями учителя Анастасом и Николаем в Москву в конце сентября 1688 г., т.е. провёл там не более пяти месяцев. Во всяком случае, письмо, написанное Петром Артемьевым из Москвы Палладию (Роговскому) в Рим, датируется 3 октября 1689 г. Причём ещё до отъезда о. Палладия (вероятно, летом 1689 г.) они виделись в Москве. Незадолго до возвращения в Москву (возможно, и ранее) он дважды (14 и 17 сентября) побывал в греческой церкви Св. Георгия, о чём Лихуд сообщил в письме кн. В.В. Голицыну<sup>14</sup>. Иоанникий не мог не знать о католических взглядах Типальда, поскольку, по всей вероятности, неплохо знал земляка-кефалонийца со времени учёбы в Падуе. Сам старший Лихуд тоже был не чужд латинских симпатий, встречался с католическими священниками в Москве (о чём сообщил Артемьев в ходе суда над ним в 1698 г.). Понятно, почему учитель не ограничивал общение Петра с католиками, в первую очередь с иезуитами, среди которых тот нашёл себе духовника, по-видимому, говорившего по-русски<sup>15</sup>. Артемьев хорошо знал закулису Мелетиева «театра», потому что в 1698 г., когда митрополит ещё не выступил открыто с исповеданием католичества, и часть русских стольников воспринимали его ещё как православного, ясно показал, что знал о его убеждениях ещё в 1688 г. Одним из пунктов обвинения против диакона стало его утверждение, что греческий митрополит в Венеции «послушание свое относит ко двома святейшим отцем – римскому и константинопольскому». Артемьев не мог бы этого знать, если бы не находился в доверительных отношениях с митрополитом Мелетием<sup>16</sup>.

Следующим москвичом, побывавшим в тех краях, оказался П.В. Постников, который прибыл в Падую для учёбы в университете в 1692 г. Показательно, что московский студент поселился в доме священника Н. Комнина-Пападополи, профессора университета, убеждённого греко-католика<sup>17</sup>. Постников приехал в Падую с И. Пеларино, медиком, недолго прослужившим в России, и имел

---

рисова. Сборник научных статей. Сер. Труды исторического факультета МГУ. Т. 185. СПб., 2020. С. 296–306.

<sup>12</sup> Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, собрание документов по истории внешней политики Русского государства XV–XVII вв. Т. X. СПб., 1871. Стб. 1312, 1319.

<sup>13</sup> *Сменцовский М.Н.* Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 315; *Панич Т.В.* Евфимий Чудовский... С. 5; *Панич Т.В.* Путешествия за образованием в Европу во второй половине XVII века (на материале сборника рукописных текстов, связанных с делами Петра Артемьева и Григория Скибинского) // Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты. Сборник научных работ. Новосибирск, 2013. С. 8–26.

<sup>14</sup> Памятники дипломатических сношений... Т. X. Стб. 1336–1337; *Шмурло Е.Ф.* Русские католики... С. 10, 17, 27.

<sup>15</sup> ГИМ, Син. № 393, л. 54, 55 об., 57–57 об. В.М. Верюжский вслед за А. Бороздиным и Е.Ф. Шмурло полагал, что Артемьев именно в Италии присоединился к католической церкви (*Бороздин А.* Русские католики в Москве в конце 17 столетия // Исторический вестник. 1886. Т. 25. С. 595; *Шмурло Е.Ф.* Русские католики... С. 17; *Верюжский В.М., прот.* Указ. соч. С. 518.

<sup>16</sup> ГИМ, Син. № 393, л. 40 об.

<sup>17</sup> *Шмурло Е.Ф.* П.В. Постников: Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894. С. 79, 80.

при себе рекомендательное письмо, написанное, вероятно, Лихудами<sup>18</sup>. Он пробыл в Падуе до 1695 г. и неоднократно посещал церковь Св. Георгия, где настоятельствовал Мелетий. Последний был близким другом Пападополи, между ними велась интенсивная переписка. Хотя у нас нет документальных данных о личном знакомстве Постникова с Типальдом, можно с уверенностью утверждать, что русский студент вращался в «кругу Мелетия». То, что Пётр по окончании курса прекрасно владел не только итальянским и другими европейскими, но и греческим языком, служит тому ещё одним подтверждением<sup>19</sup>.

Поездку Бориса Петровича Шереметева в Италию и на Мальту подробно разобрали Е.Ф. Шмурло и А.В. Флоровский<sup>20</sup>. Известно, что боярин тепло относился к католической церкви, дважды был на аудиенции у папы Иннокентия XII, вращался в обществе католических клириков (причём в Риме — преимущественно иезуитов), почитал католические святыни (например, благоговейно облобызал хартию решений Ферраро-Флорентийского собора и даже попросил сделать себе её список, пообещав носить его на груди). Его мажордом (маршалок) А.А. Курбатов принял латинство в Риме и в своих письмах папе обещал радеть о насаждении в России католической веры<sup>21</sup>.

Интересен эпизод с посещением Шереметевым и его свитой Венеции, затрагиваемый историками лишь вскользь. Он побывал там дважды: в феврале и июле—августе 1698 г., когда надеялся увидеться в городе с царём Петром, намеревавшимся туда приехать<sup>22</sup>. Об общении русского вельможи с митрополитом Мелетием мы знаем из «Записки путешествия гр. Б.П. Шереметева». На следующий день после официального приезда (до него было неофициальное посещение, «чтобы видеть в Венеции карнавал, собрание всяких игр») «ездил боярин к обедне в церковь святого великомученика Георгия и был у благословения у Преосвященного митрополита, который живет в Венеции для благочестивых греков, и под час обедни Преосвященный благословил боярина образом святого Георгия и свещею». 17 февраля митрополит сам приехал в гости к Шереметеву, у которого в тот день в гостях также были П.А. Голицын и В.М. Долгоруков, кроме не упомянутых, но наверняка также присутствовавших братьев боярина — Михаила Борисовича и Владимира Петровича Шереметевых. На этой встрече, продолжавшейся три часа, Мелетий «говорил с боярином много», поздравлял с победами над татарами и сообщал, что он молится и будет молиться за государя и его победы над неприятелями. Кроме того, митрополит «с великим заклинанием являл себя словами своими во благочестии быти тверда и ни мало к западному костелу несклонна, а говорил те слова для того, что слышал он от некоторых мнение о себе, будто он обещался Папе иметь с ним единство, и в том многократно себя предавал анафеме, естли он и в мысли своей то имеет»<sup>23</sup>.

<sup>18</sup> *Kαραθανάσης Α.* Ο Ελληνικός κόσμος στα Βαλκάνια και την Ρωσία. 2 έκδ. Θεσσαλονίκη, 2003. Σ. 303–305.

<sup>19</sup> *Шмурло Е.Ф.* П.В. Постников... С. 81–82, 90.

<sup>20</sup> *Шмурло Е.Ф.* Поездка Б.П. Шереметева... С. 11–39; *Шмурло Е.Ф.* К истории сношений Московских государей с римскими папами: Целование папской туфли // Сборник статей, посвящённых Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 57–75.

<sup>21</sup> *Pierling P.* Op. cit. P. 132, 134–135, 413–417; *Шмурло Е.Ф.* Сборник документов... С. 359–362.

<sup>22</sup> *Брикнер А.Г.* Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии // Русский вестник. Т. 128. 1877. № 3. С. 40; *Андросов С.О.* Пётр I в Венеции // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 129–135.

<sup>23</sup> *Блудилина Н.Д.* Записка путешествия графа Бориса Петровича Шереметева в Европейские государства: 1697–1699. Общая характеристика // Россия и Запад: горизонты взаимопонимания.

На основании того, что известно из архивного материала и опубликованных статей Шмурло и Флоровского (делающего однозначный вывод о том, что Шереметев не только симпатизировал Римской церкви, но был близок к принятию католичества)<sup>24</sup>, приходится скорректировать высказанное ранее предположение, что Мелетий выдавал себя за православного, а Шереметев будто бы не догадывался, что тот на самом деле скрытый католик<sup>25</sup>. Видимо, никакого «спектакля» просто не было, и собравшиеся вполне понимали друг друга. Все эти лица — Типальд, Шереметев и его братья, Долгоруков, Голицын, Курбатов — были вполне сознательны в симпатиях к латинству, а составил текст «Записки», возможно, тот же Курбатов, через два месяца присоединившийся к католической церкви<sup>26</sup>. По этой причине самозащита митрополита выглядит логичной в свете скорой необходимости для Римской курии «легализовать» в Москве Палладия (Роговского), «воссоединять» которого с православием в июле 1698 г. будет в Венеции не кто иной как сам Мелетий. Если всё так, то получается, что долгий разговор грека с русскими включал в себя не только здравицы в честь государя и взаимные комплименты, но и иные темы. Ведь ожидался приезд самого царя, и Типальду отводилось важное место в его приёме<sup>27</sup>.

Упомянутые в «Записке» В.М. Долгоруков и П.А. Голицын могут считаться вполне лояльными к латинской церкви вообще, и даже к делу католической миссии. Первый находился в Венеции с двоюродным братом Григорием Фёдоровичем и его сыном Алексеем Григорьевичем. Как и другие стольники, Долгоруковы совершили паломничество в Рим, где были на аудиенции у папы. Там они подали прошение о зачислении юноши в католическое учебное заведение<sup>28</sup>. Алексея приняли в венецианскую семинарию под личным контролем апостолического нунция в Венеции Кузано<sup>29</sup>. В сообщении из Рима упоминается о посещении Вечного города четырьмя москвитами (а не тремя), поэтому можно думать, что их предприятие с зачислением Алексея Долгорукова в латинскую семинарию, где, естественно, необходимо было поменять веру, не было тайной и от кого-то из их товарищей.

П.А. Голицын привёз в своей свите в Россию главную надежду католиков — иеромонаха Палладия (Роговского), об истинных намерениях которого он не мог не знать ещё в Риме, где с ним встретился. По свидетельству современника, Голицын усердно посещал греческую церковь и наверняка именно в ней познакомился с митрополитом Мелетием<sup>30</sup>.

О троих братьях Милославских известно, что они также странствовали по святым местам, а в Риме в первую очередь стремились увидеть папу<sup>31</sup>. Двое из них — Сергей Иванович и Александр Иванович — приняли католичество

---

Литературные источники первой четверти XVIII в. М., 2000. С. 98, 100; *Ястребов А.О.* Ходатайство Петра I... С. 131.

<sup>24</sup> СК. Л. 60–61; *Pierling P.* Op. cit. P. 134; *Шмурло Е.Ф.* Поездка Б.П. Шереметева... С. 20.

<sup>25</sup> *Ястребов А.О.* Ходатайство Петра I... С. 130.

<sup>26</sup> *Шмурло Е.Ф.* Поездка Б.П. Шереметева... С. 5, 34; *Гузевич Д., Гузевич И.* Первое европейское путешествие... С. 252, 268, 347, 471, 568, 759, 792.

<sup>27</sup> *Шмурло Е.Ф.* Сборник документов... С. 500.

<sup>28</sup> Там же. С. 343; *Гузевич Д., Гузевич И.* Первое европейское путешествие... С. 774.

<sup>29</sup> *Шмурло Е.Ф.* Сборник документов... С. 349–350.

<sup>30</sup> ОР РГБ, ф. 218 (Собр. Отдела рукописей), № 1247, д. 1, л. 27 об.; *Balatri F.* Vita e viaggi. Alessandria, 2020; *Шмурло Е.Ф.* Русские католики... С. 12.

<sup>31</sup> *Шмурло Е.Ф.* Сборник документов... С. 312–314, 324, 325, 328.

под влиянием доминиканца Иустина Лыковского. Известно о проповеди среди русских другого члена доминиканского ордена, Антония Подседковского, которого Ян Шперкович, переводчик «московских кавалеров», просил назначить им в духовники<sup>32</sup>. Возможно, речь идёт о тех же Милославских. Об их контактах с греческим митрополитом ничего неизвестно, но, конечно, он и не мог претендовать на некую монополию в миссионерской работе среди русских, даже скорее напротив, он оказывался в деликатной позиции пусть уже не совсем православного, но ещё не открытого католика.

Впрочем, как это видно из имеющегося материала, он сумел использовать своё положение максимально эффективно. Когда в июле 1698 г. в Венецию прибыл из Рима сам «первый русский доктор богословия», митрополит Мелетий оказал ему радушное гостеприимство. Уехав из России обращённым католиком, Палладий (Роговский) совершил настоящее паломничество за знанием, посетив школы Вильно, Нейсса, Ольмюца и Рима. С 1693 г. он обучался в коллегииуме Св. Афанасия, где принял священство из рук греко-католического архиепископа Демр Онуфрия<sup>33</sup>. Приезду в лагуну предшествовала его вероятная встреча в Риме с Б.П. Шереметевым и П.А. Голицыным, пригласившим учёного монаха вернуться вместе на родину<sup>34</sup>.

Ещё до отъезда из Вечного города Палладий начал оказывать услуги курии, с тем чтобы приблизиться возможно ближе к сердцам русских путешественников, а через них добраться и до царя, приезда которого в Рим с нетерпением ожидали. Иеромонах мог выступать переводчиком во время частых встреч Тирса Гонсалеса, генерала ордена иезуитов (в ведении которого как раз находился коллегииум святого Афанасия) с Шереметевым<sup>35</sup>. Он получил задание от упомянутого прелата перевести полемическую антилатинскую книгу, которую привёз с собой Шереметев, желавший получить ответ на содержащиеся в ней обвинения католичества<sup>36</sup>. По поручению своих римских начальников он присоединился к группе стольников и вместе с ними отправился на родину с целью организовать там миссионерскую работу.

В Венеции, куда иеромонах прибыл уже вместе со стольниками, Мелетий «разрешил [Палладия] от отступства веры, паки причел ко Святей Кафолической и Восточной Церкви, и священнодействовати повелел, яко свидетельствует о том от него данная разрешенная грамота», которая, как видим, возымела своё действие в Москве<sup>37</sup>. Ярким примером взаимопонимания Мелетия Типальда и Палладия (Роговского) служит письмо, отправленное последним в Рим. В нём он просит неназванного адресата выслать ему обещанные книги «на адрес монсеньора Филадельфийского», что означает, что Палладий, вероятно, и жил непосредственно на территории митрополии<sup>38</sup>.

Перед нами проследовал целый ряд персонажей Русской истории, оставивших след в религиозном и политическом ландшафте новой России конца XVII — первой четверти XVIII в. Мы видим, что определённую роль в их знаком-

<sup>32</sup> Флоровский А.В. Московские навигаторы... С. 196–197.

<sup>33</sup> Ястребов А.О. Палладий (Роговский) // Православная энциклопедия. Т. 54. М., 2019. С. 328–330.

<sup>34</sup> Шмурло Е.Ф. Русские католики... С. 12.

<sup>35</sup> Pierling P. Op. cit. P. 133; Шмурло Е.Ф. Поездка Б.П. Шереметева... С. 20.

<sup>36</sup> Pierling P. Op. cit. P. 133, 416.

<sup>37</sup> Древняя российская вивлиофика. Т. 18. М., 1791. С. 163.

<sup>38</sup> Шмурло Е.Ф. Русские католики... С. 13–14; Ястребов А.О. Венецианский след... С. 20–24.

стве с западной религиозной традицией сыграло греческое братство Венеции и лично митрополит Филадельфийский Мелетий Типальд. Будучи в тот момент *de jure* православным иерархом, но *de facto* являясь сторонником и агентом Римской церкви, он способствовал распространению симпатий к католицизму среди русских путешественников и стольников в Венеции. Вместе с тем его влияние очерчено лишь оградой греческой церкви, поскольку ещё не пробил час его открытого исповедания латинства, конфронтации с местной общиной, Константинопольским патриархатом и даже царём Петром, который в 1710 г. обратился к властям с письмом-ходатайством в поддержку православных греков. В тот момент Типальд, наоборот, ждал посещения Петра, чтобы принять его с максимально возможной пользой для Римской церкви и Венеции<sup>39</sup>.

Очевидно, что митрополит Мелетий, римские и венские иезуиты, венецианские доминиканцы и францисканцы пытались делать одно дело, но подходили к русским с разных сторон. Первый предлагал им что-то близкое по форме, другие открывали нечто совершенно иное в культурном и религиозном измерении. Вся эта новизна, бесспорно, не просто удивила, она потрясла русских людей, впервые столкнувшихся с духовной реальностью, столь непохожей на привычную для них московскую. Большинство стольников побывали в Риме на аудиенции у папы и практически все они совершали троекратное преклонение перед ним с целованием туфли. Все портреты папы в сувенирных паломнических лавках Вечного города, по свидетельству современника, были раскуплены русскими. В надежде на обращение самого царя стольников принимали на высоком уровне в пределах Папской области и других итальянских государств<sup>40</sup>.

После возвращения русских на родину на фоне отсутствия немедленных плодов тех стараний, которые приложили австрийские и итальянские миссионеры, в среде последних поселилось разочарование. Оно сквозит как в переписке современников, так и в последующих исследованиях (например, отца Павла Пирлинга). Так, иезуит Ян Милан (Франциск Эмилиани), находившийся в московской миссии в 1698–1719 гг., писал, что кроме одного все (кто принял католичество в Италии и Франции) из-за страха гонений вернулись в схизму<sup>41</sup>. Вместе с тем нельзя сказать, что путешествия сотрудников Петра оказались бесплодными для католического мира. Значительная часть «московских венецианцев», подверглась, пусть и временному, увлечению латинством. С уверенностью можно утверждать, что даже те, кто в дальнейшем не проявили себя как католики, стали более открытыми в вопросах взаимодействия с католической церковью.

Пётр Артемьев стал «первой ласточкой» русского католичества, вылетевшей из венецианского гнезда, причём оказался единственным, кто не отрёкся от новой веры, несмотря на все применённые к нему репрессии. Для первого русского доктора медицины П.В. Постникова также не прошло бесследно общение с кругом митрополита-униата Мелетия Типальда. В начале 1700-х гг. он был отправлен царём Петром в Париж для исполнения дипломатических поручений<sup>42</sup>. Там доктор по долгу службы общался с министром иностранных дел Франции маркизом Ж.-Б. Кольбером де Торси и в 1707 г. писал ему (в третьем

<sup>39</sup> Шмурло Е. Ф. Сборник документов... С. 500; Ястребов А. О. Ходатайство Петра I... С. 123–140.

<sup>40</sup> СК. Л. 81; Шмурло Е. Ф. К истории сношений... С. 57–75; Шмурло Е. Ф. Сборник документов... С. 313–315, 321, 324, 325, 328, 501.

<sup>41</sup> СК. Л. 102.

<sup>42</sup> Шмурло Е. Ф. П.В. Постников... С. 114–147.



лице): «Благодаря многочисленным беседам о религии с лучшими богословами Европы и собственной склонности к учёбе и наукам, которую усердно развивал, он полностью разочаровался в ошибочных верованиях Церкви греческой и, как следствие, московской, и признаёт, что обе они суть схизматические. Он предпочёл навсегда догмам своей Церкви истину догм Римско-католической и в настоящий момент твёрд в своих чувствах»<sup>43</sup>. Б.П. Шереметев подавал латинянам большие надежды на продвижение церковной унии во властных кругах. Ян Милан писал, что «Шереметев, с тех пор как возвратился, необычайно прославляет нашу веру, хвалит нас и говорит, что теперь он должен притворяться вследствие преследования собратьев». Его маршалок А.А. Курбатов, напротив, по возвращении из Италии своим несоблюдением конспирации приводил московских иезуитов в замешательство, так как они там находились нелегально, а он, казалось, не был готов соблюдать тайну их принадлежности к Ордену<sup>44</sup>. Впоследствии ни Шереметев, ни Курбатов не демонстрировали преданности католичеству, но можно заметить, что их латинские симпатии всё-таки проявились, хотя и в заметно меньшей степени, чем того хотелось бы Риму<sup>45</sup>.

Г.Ф. Долгоруков, тайно принявший католичество в Италии, также скрывал свои убеждения. Заслужив от Пирлинга сомнительное звание «робкий предтеча»<sup>46</sup>, он тем не менее воспитал своих детей под руководством члена ордена театинцев Арчелли<sup>47</sup>. П.А. Голицын, часто посещавший в 1698 г. греческую церковь в Венеции, открыто латинству не симпатизировал. Однако его родственники были так или иначе связаны с Римской церковью. Его брат вместе с одним из князей Долгоруковых (и других сановников) в начале 1700-х гг. обучался у московских иезуитов, а его дочь Ирина Петровна (1700–1751), супруга С.П. Долгорукова, приняла вместе с детьми католичество в Голландии, где её муж служил по дипломатической части при посланнике Б.И. Куракине в 1717–1727 гг.<sup>48</sup> Оба видных петровских дипломата, Голицын и Долгоруков, через семейные браки находившиеся в близком родстве, были проводниками российской политики на римском направлении, отличавшейся исключительным прагматизмом. Первый доверительно сообщал папскому нунцию в Вене в 1701 г., что царь всем сердцем желает соединить русскую и латинскую Церкви, обещал помощь с проездом миссионеров в Китай. Второй в то же время и в схожих словах обнадеживал варшавского нунция Пиньятелли<sup>49</sup>. Эти обещания остались лишь словами. И всё-таки тайный католик (Долгоруков) и отец первой русской католички (Голицын) внесли вклад в дело проникновения римской веры в Россию. П.А. Голицын привёз в Россию Палладия (Роговского), его дочь – своего духовника аббата Жюбе, Г.Ф. Долгоруков – воспитателя

<sup>43</sup> *Mazon A.* Op. cit. P. 16–19 (пер. с фр. А.О. Ястребова).

<sup>44</sup> Письма и донесения иезуитов... С. 41.

<sup>45</sup> *Шмурло Е.Ф.* Поездка Б.П. Шереметева... С. 22; *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. С. 239, 418–419; СК. Л. 12–28.

<sup>46</sup> *Pierling P.* Op. cit. P. 308.

<sup>47</sup> АРАН, ф. 1609, оп. 1, д. 70, л. 33.

<sup>48</sup> Письма и донесения иезуитов... С. 61; *Флоровский А.В.* Латинские школы в России в эпоху Петра I // XVIII век. Т. 5. Л., 1962. С. 320; *Андреев А.Н.* Дело «о княгине Ирине Петровне Долгоруковой, совращенной с детьми в католичество» (1746–1751) // Культура и искусство в памятниках и исследованиях. Сборник научных трудов. Челябинск, 2006. С. 207–233; *Андреев А.Н.* Обращение в католицизм семейства И.П. Долгоруковой // Вопросы истории. 2009. № 3. С. 100–113.

<sup>49</sup> *Pierling P.* Op. cit. P. 169–172.

семьи театинца Арчелли, ставшего в России востребованным педагогом при императорском дворе<sup>50</sup>.

Выдающийся деятель петровского времени, родоначальник целой династии дипломатов кн. Б.И. Куракин проходил курс навигации в Далмации, в Венеции бывал нечасто, поэтому доминиканских миссионеров и греческого митрополита Мелетия мог не знать. Его связи с католической церковью тем не менее не ограничивались только дипломатическим протоколом. Он принимал деятельное участие в судьбе первого русского семинариста в Урбанианском коллегииуме Рима М.Ф. Волкова, обучавшегося там в начале 1700-х гг.<sup>51</sup>

В похожем с П.А. Голицыным положении оказался ещё один венецианский стольник — Ю.Ф. Ладыженский. Скромный и менее титулованный, чем его соученик по итальянским корабельным студиям, он тем не менее стал отцом ещё одного московского первопроходца, на сей раз «первого иезуита из московских дворян» А.Ю. Ладыженского (1693–1756)<sup>52</sup>. Последний в начале 1700-х гг., конечно, с разрешения отца, обучался в школе Эмилиани, а впоследствии, за границей, куда отправился в 1710 г., принял католичество и вступил в Общество Иисуса.

Наконец, может быть, самые скромные плоды принёс в России тот, на кого возлагались самые большие надежды. Иеромонах Палладий (Роговский) был «возвращён в православие» митрополитом Филадельфийским Мелетием и направлен в Москву по указанию своих римских руководителей — иезуитов<sup>53</sup>. Вначале они сообщали об о. Палладии в своих письмах с большим энтузиазмом, но впоследствии тот же Эмилиани писал с сочувствием и сожалением, что «тот несчастный монах в смущении допустил, что у него в руках сломали пальму мученичества, которой с такой жадностью ищут другие, и несчастнейшее создание опять публично перешло к заблуждениям Фотия». Впрочем, тут же оговаривается, что Палладий перед смертью одумался, но его болезнь, «отнявшая у него язык», воспрепятствовала ему<sup>54</sup>.

Надежды католиков на распространение своей миссии не погибли и впоследствии, тем более что от российских дипломатов и самого государя время от времени доносились обнадеживающие вести<sup>55</sup>. При основании Синода Пётр якобы заявил, что не знает иного патриарха, кроме папы, и что именно отказ русских епископов подчиниться ему привёл к созданию Синода<sup>56</sup>. По словам Сен-Симона, общавшегося в начале XVIII в. в Париже с кн. Б.И. Куракиным, царь якобы давал понять, что мог бы признать папу первым православным патриархом, но при условии ограничения его власти над государем по галликанскому образцу<sup>57</sup>. Таких сигналов было много, и Пётр подавал их по мере политической необходимости. Подлинное же своё — крайне негативное — от-

<sup>50</sup> *Dolgoroukoff P.V. Mémoires du prince Pierre Dolgoroukoff. T. 1. Genève, 1867. P. 7; Pierling P. Op. cit. P. 308.*

<sup>51</sup> *Флоровский А.В. Из истории русских «встреч с западом»... P. 228–233.*

<sup>52</sup> *Флоровский А.В. Первый иезуит... С. 249–256; Андреев А.Н. Русский иезуит А.Ю. Ладыженский... С. 143–154; Гузевич Д., Гузевич И. Первое европейское путешествие... С. 774*

<sup>53</sup> *Pierling P. Op. cit. P. 416.*

<sup>54</sup> Письма и донесения иезуитов... С. 76, 111, 112.

<sup>55</sup> *Шмурло Е.Ф. Сношения России с Папским престолом в царствование Петра Великого: 1697–1707 // Историко-эмигранты: Вопросы русской истории в работах 20–30-х гг. М., 2002. С. 210–257.*

<sup>56</sup> АРАН, ф. 1609, оп. 1, д. 80, л. 6.

<sup>57</sup> *Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович. Т. 5. М., 1880. С. 256.*

ношение к папству он также демонстрировал неоднократно, чему есть масса свидетельств<sup>58</sup>.

Католики в Австрии и Италии во время Великого посольства рассчитывали приблизиться к царю через ближних стольников (в том числе родственников, например, А. Лопухина) и Б.П. Шереметева, а к нему — через А.А. Курбатова. Но сложилось всё ровно наоборот. Пётр «ловил» своих возможных союзников на московского боярина, как на наживку, а этот последний, в свою очередь, даже позволил крепостному человеку (Курбатову) принять католичество, чтобы убедить Рим в искренности своих намерений<sup>59</sup>. Удивительно, как царь, совсем молодой тогда ещё человек, мог так долго вводить в заблуждение искушённый в дипломатических интригах Рим. Но несмотря на прагматизм государя в отношениях с католической церковью, реальное её влияние на русских, побывавших в Италии, оказалось намного глубже, чем может показаться с первого взгляда. О многом говорит любопытная деталь — люди из групп, выделенных Флоровским, даже не связанные ранее с Венецией, так или иначе пересекались друг с другом, либо были связаны с католичеством через своих ближайших родственников<sup>60</sup>. Мы видим среди них настоящих первопроходцев европейского образования и латинской духовности — первых докторов богословия и медицины, первого иезуита из московских дворян, первую русскую католичку.

Соглашусь с А.В. Флоровским, что «явление русского католичества в конце XVII и в начале XVIII в. представляет значительный культурно-исторический интерес как одно из важных слагаемых того исторического процесса, которое характеризовалось оживлением и усилением русских встреч с западом»<sup>61</sup>. Этому способствовал особый, кросс-культурный статус Венеции, важнейшей составляющей которого для русских была греческая община и её глава — митрополит Филадельфийский Мелетий Типальд.

---

<sup>58</sup> *Терновский Ф.* Император Пётр I в его отношениях к католичеству и протестантству // Труды Киевской духовной академии. 1869. Вып. 3. С. 373–405.

<sup>59</sup> *Шереметев П.* Владимир Петрович Шереметев: 1668–1737. Т. 2. М., 1914. С. 109.

<sup>60</sup> АРАН, ф. 1609, оп. 1, д. 97, л. 24.

<sup>61</sup> *Флоровский А.В.* Из истории русских «встреч с западом»... Р. 228.